

УДК 162.15(1-924.4/.9)+378.4(470.41-25)

**ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА
В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(по воспоминаниям современников – выпускников
Казанского университета)¹**

А.Н. Егоров

Аннотация

В статье на материалах «устной истории» анализируется восприятие политических кризисов 50-х годов XX века в ГДР, Польше и Венгрии выпускниками Казанского университета – современниками событий. Записанные воспоминания, хотя и имеют субъективный оттенок, сохраняют историческую память о пережитом и передают настроение, доминировавшие в советском обществе.

Ключевые слова: «устная история», политический кризис, «холодная война», социалистический лагерь, капиталистическое окружение, студенчество.

Победа СССР во Второй мировой войне создала условия для советизации восточноевропейских государств. В 1948 г. в обстановке обострения противоречий между Востоком и Западом местные политические элиты взяли курс на ускоренное строительство социализма по сталинскому образцу. Следствием копирования советского опыта социально-экономических преобразований явилось ухудшение уровня жизни населения на фоне попрания демократических свобод. До поры до времени неудовлетворённость рядовых граждан характером проводимых преобразований сдерживали репрессивные мероприятия властей, отчасти объясняемые сопротивлением имущих классов. Ситуация в регионе существенным образом изменилась весной – летом 1953 года. Смерть И.В. Сталина и последовавшие за ней перестановки в руководстве Советского Союза сопровождались изменением баланса сил между сторонниками жёсткой линии и политиками либеральной ориентации практически во всех странах социалистического лагеря. Например, 28 июня 1953 г. пленум Центрального Руководства ВПТ (Венгерской партии трудящихся) сместил с поста главы правительства М. Ракоши, за две недели до этого обвинённого Президиумом ЦК КПСС в отступлении от ленинских принципов. Его место занял известный своими демократическими устремлениями И. Надь [2, с. 25–32]. Подобное происходило и в ряде других стран социалистического лагеря.

¹ При написании статьи были использованы воспоминания следующих выпускников Казанского университета: А.Д. Авдеева, Г.Д. Бланк, Я.Я. Гришина, Р.К. Закиева, Р.А. Манапова, И.Д. Морозовой, Н.К. Павлычевой. Подробные биографические сведения об участниках интервьюирования можно найти в издании [1].

Процесс обновления верхних эшелонов власти породил в восточноевропейском обществе надежды на развитие демократии, улучшение условий жизни и труда. Стремлением донести до сознания руководителей необходимость проведения глубоких социально-экономических и политических реформ были продиктованы массовые выступления трудящихся, студенческой молодёжи и интеллигенции в 1953–1956 гг. К числу наиболее громких акций гражданского неповиновения этого периода относятся манифестации рабочих Берлина и других крупных городов ГДР 16–17 июня 1953 г., социальный взрыв в Познани 28 июня 1956 г. и венгерские события осени 1956 г., приобретшие ярко выраженную антикоммунистическую окраску во многом благодаря усилиям Запада.

События в Польше и Венгрии продемонстрировали, насколько советская политическая система далека от традиционных норм демократии, её негибкость в условиях «холодной войны». Меры по либерализации общественной и политической жизни, предлагаемые лидерами указанных стран, вступали в явное противоречие с представлениями советского руководства во главе с Н.С. Хрущёвым о социализме в Восточной Европе. Напомним также, что венгерское восстание 1956 года началось с митинга студентов Будапештского Технологического института, требовавших проведения выборов на многопартийной основе и суда над организаторами массовых репрессий [2, с. 323].

Разумеется, факты, подтверждающие участие в антиконституционных волнениях широких слоёв восточноевропейского общества, всячески замалчивались советскими СМИ. Тем не менее применительно к молодёжной среде тех лет информационный вакуум в СССР нельзя преувеличивать. В первой половине 50-х годов XX в. студенты вполне имели возможность получения информации из так называемых «западных источников», прежде всего от радиостанций типа «Свобода», «Голос Америки», «Би-би-си», активно вещавших на советскую аудиторию в годы «холодной войны». Помимо этого существовали источники получения альтернативных сведений из самих стран социалистического лагеря. Это и переписка, и общение со студентами, обучавшимися в советских вузах, и непосредственные контакты с очевидцами событий.

В настоящей статье предпринята попытка показать своеобразие восприятия советской молодёжью политических кризисов 50-х годов XX в. в странах Восточной Европы. Для достижения этой задачи мы использовали личные свидетельства выпускников Казанского государственного университета (КГУ) – современников событий. На Казанский университет выбор пал, главным образом, потому, что, расположенный в центре многонационального Волго-Уральского региона, он на протяжении всей своей истории являлся барометром политических настроений в обществе.

Статья написана в русле так называемой «устной истории». Данное направление исследований еще не получило достаточного распространения в отечественной науке, так как источники, которым оно отдаёт предпочтение, созданы в наши дни и несут на себе отпечаток субъективного опыта респондентов. Между тем такой подход позволяет увидеть события недавнего прошлого глазами их современников. Методы и приёмы анализа аудиовизуальной информации наиболее полно представлены в литературе по качественной социологии и в отдельных работах по методологии устноисторических исследований (см. [3–6]).

Всего нами было опрошено 35 респондентов, чьё обучение в Казанском университете пришлось на 50-е – начало 60-х годов XX в.

Массовые беспорядки в ГДР по причине того, что они ставили под сомнение успешность реализации сталинской модели социализма на немецкой земле, не получили сколько-нибудь заметного отражения в советских СМИ. Тем не менее, двое из 35 опрошенных нами респондентов были хорошо осведомлены о масштабе волнений в Восточном Берлине. Эту информацию участники интервьюирования получили от непосредственных очевидцев тех событий – советских солдат, с которыми они общались в студенческие годы. В обоих интервью поведение так называемых «мятежников» объясняется провокационными действиями агентов капиталистического окружения, в чём, надо полагать, нельзя видеть только влияние советской пропаганды.

«Один мой приятель – из посёлка, где я родился – участвовал в подавлении путча в Берлине. Он мне прямо сказал: «Можешь не сомневаться, мы имели дело с провокацией! Со стороны Западного Берлина пришли люди, специально, чтобы народ мутить». <...> Дошло чуть ли не до того, что восточные немцы сами ловили тех, кто пришёл с Запада, и передавали милиции» (Р.М.).

С полным одобрением участники интервьюирования отнеслись к операции советских танковых частей в городе. По их мнению, Советский Союз имел полное право отстаивать свои интересы в ГДР, управление которой, как известно, вплоть до марта 1954 г. курировал действовавший в рамках решений Потсдамской конференции советский военный представитель. Очевидно также, что реакция современников на берлинские события была тесно связана с памятью о Великой Отечественной войне и понесённых в ней потерях.

Социальный взрыв в Познани 28 июня 1956 г. властям Польской Народной Республики удалось разрешить собственными силами. Идя навстречу требованиям оппозиции, VII пленум ЦК Польской объединённой рабочей партии (ПОРП) в июле 1956 г. принял решение о создании органов рабочего самоуправления, уменьшении накоплений в промышленности и выделении значительных средств на улучшение условий жизни трудящихся. Известная свобода слова, установившаяся в Польше после прихода к власти команды В. Гомулки, позволила снять накал политических страстей в обществе [7, с. 50–53]. Демократические начинания местных руководителей способствовали укреплению авторитета ПОРП в мировом коммунистическом движении, однако вызвали критику «польского пути» со стороны советских идеологов. Вероятно, поэтому в памяти выпускников университета отложились весьма тенденциозные высказывания преподавателей общественных наук в адрес «поляков».

«Помню, преподавательница ругала поляков, и правильно делала. За что-то связанное с сельским хозяйством. Они де не уделяют ему надлежащего внимания, так как знают, что в случае чего наша страна всё равно им поможет» (Н.П.).

В то же время в сознании современников польская модель социализма воспринималась как образец демократии и культурного плюрализма. На фоне внешней многопартийности политической системы ПНР советская структура власти выглядела консервативной и неэффективной.

«В общезнании мы много говорили о развитии Советского Союза, партийной системе. Я Польшей занимался, поэтому мог сопоставлять. К примеру, почему там есть плюрализм, а у нас единая партия? Там сохранили крестьянские партии, а у нас левозеровская партия исчезла?» (Я.Г.).

Венгерские события осени 1956 года в той или иной мере запомнились всем участникам интервьюирования. Большинство респондентов положительно восприняли действия советского руководства по подавлению антиконституционных волнений. По мнению выпускников, венгры не имели сколько-нибудь весомых оснований для того, чтобы быть недовольными своим положением.

«Я был воспитан в духе социалистического интернационализма. И, конечно, когда шёл разговор о том, что сейчас они требуют того-то, кто у нас в стране не возмущался?! По одной простой причине – мы, чем могли, помогали Польше, Чехословакии и Венгрии, вместо того чтобы оставить в своей стране. Наше-то население жило гораздо хуже, чем жили венгры или в той же Чехословакии! Ребята, которые служили в Германии, приезжали оттуда с деньгами и с хорошими вещами. Приезжали на личных авто – то, чего мы здесь не могли себе позволить» (А.А.).

В Казанском университете, так же как и в других крупных вузах республики, училась венгерская молодёжь. С её представителями у многих участников интервьюирования в студенческие годы сложились дружеские отношения. Судя по их воспоминаниям, учащиеся-венгры были преданными друзьями Советского Союза, искренне верившими во взаимовыгодность сотрудничества обеих стран. По этой причине те из них, кто в разгар венгерских событий находился у себя на Родине, стали мишенью для противоправных действий мятежников.

«У нас на филфаке учился венгр по имени Янош, открытый и весёлый парень... В общем, когда местные узнали, что он учился в СССР, его расстреляли. Причём, не его одного. Мы были в таком ужасе! За что?! Они же здесь только учились» (Г.Б.).

В свете подобных сообщений отношение основной массы университетского студенчества к участию советских войск в подавлении антиконституционных волнений в Венгрии было положительным.

Одним из направлений контактов советской молодёжи со странами народной демократии, как уже было сказано, являлась переписка с товарищами по интересам. Из неё некоторые студенты могли познакомиться с иной точкой зрения на советское военное вмешательство. Так, венгерский корреспондент, по воспоминанию И.М., сообщал: *«У нас идёт противореволюция, у нас начались восстания, много погибло народа. Сейчас всё закончилось, и я снова могу тебе писать».* Когда я была в Венгрии, его семья мне обо всём этом рассказывала. Поэтому, конечно, я сочувствовала венграм».

В целом из 35 участников интервьюирования только 6 человек заявили, что в своё время решительно осуждали действия советских войск в Венгрии. В их числе дети пострадавших в годы «большого террора» родителей и три выпускника отделения татарского языка и литературы. Реакция последних на венгерские события не отделима от их преимущественно негативного отношения к господствовавшей в СССР идеологии интернационализма. Её использование в качестве одного из инструментов внешней политики некоторые татароязычные

респонденты расценивали не иначе как продолжение традиций российского империализма.

«Венгерский народ пострадал в своё время от российского империализма, а через 100 с лишним лет наша страна снова задавила народные выступления, являясь по сути уже советской империей. Против чего выступали венгры?! – Против образа жизни, который им навязали после войны» (Р.З.).

Таким образом, своеобразие восприятия студентами Казанского университета (шире – советской молодёжью) политических кризисов 50-х годов XX в. в ГДР, Польше и Венгрии можно свести к следующим моментам. Во-первых, информация о волнениях в этих странах выявила наличие среди студентов КГУ альтернативных точек зрения по вопросу о советском присутствии в Восточной Европе. Выражение сочувствия антиконституционным силам в регионе, судя по всему, носило единичный характер и исходило от студентов, имевших основания для негативного отношения к советской системе (потомков «врагов народа», представителей национального студенчества). Во-вторых, в обстановке обострения внутренних социально-экономических трудностей линия Н.С. Хрущёва на всестороннюю поддержку восточноевропейских режимов не находила понимания у молодёжи. Среди студентов складывалось мнение, что «они (страны соцлагеря. – А.Е.) живут за наш счёт». В-третьих, элементы демократии, утвердившиеся в ГДР, Польше и Венгрии в первые годы после смерти И.В. Сталина, создавали почву для формирования среди студентов критического отношения к советской действительности. Применительно к ситуации 50-х годов критичность эта, главным образом, выражалась в неприятии отдельных качеств внешней политики Н.С. Хрущёва (непоследовательности, излишне высокой цены её проведения, популизма). Параллельно среди университетского студенчества растёт интерес к новым веяниям в литературе и искусстве, не приветствовавшимся в СССР, но достаточно полно представленным в периодических изданиях и творчестве эстрадных коллективов из указанных стран, а также Чехословакии (к примеру, журналы «Польша» и «Photo review», польские джазовые группы).

В целом восприятие студентами Казанского университета событий 1953–1956 гг. в странах Восточной Европы несло на себе отпечаток известной либерализации общественно-политической жизни страны после XX съезда КПСС. Произошедшее под влиянием этого процесса расширение связей и контактов не только с социалистическими странами, но и с западным миром способствовало более критическому отношению учащейся молодёжи к издержкам внешней политики СССР в регионе.

Summary

A.N. Egorov. Soviet Youth's Perception of the 1950s Political Crises in the Eastern Europe (on the Memories of That-Time Kazan University Students).

The paper views perception of the 1950s political crises in GDR, Poland and Hungary by that-time students on materials of “oral history”. Although subjective, written-down remembrances do save historical memory about the past events and express the mood that dominated in Soviet society.

Key words: “oral history”, political crisis, “cold war”, socialistic camp, capitalistic surroundings, student community.

Литература

1. Казанский университет: Биобиблиографический словарь: в 3 т. – Т. 2–3. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.
2. *Стыкалин А.С.* Введение // Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Отв. ред. Т.М. Исламов. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 25–32.
3. *Ковалёв Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях / Под ред. О.А. Плетнёва. – М.: Логос, 1999. – 384 с.
4. *Семёнова В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Добросвет, 1998. – 292 с.
5. *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003. – 368 с.
6. Устная история и биографии: женский взгляд / Ред. и сост. Мещеркина Е.Ю. – М.: Невский простор. – 2004. – 270 с.
7. *Абрасимов П.А.* Вспоминая прошедшие годы. Четверть века послом Советского Союза / Под ред. М.Г. Александровой. – М.: Междунар. отн., 1992. – С. 50–53.

Поступила в редакцию
25.08.08

Егоров Алексей Николаевич – аспирант кафедры современной отечественной истории Казанского государственного университета.
E-mail: *Leshaegorov@yandex.ru*